

На правах рукописи

КРАСНОПЕРОВА Евгения Сергеевна

**АКТУАЛЬНЫЙ ГРАММАТИКОН ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ:
ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ**

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2024

Работа выполнена на кафедре общего языкознания и русского языка
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Коновалова Надежда Ильинична

Официальные оппоненты:

Щербакова Наталья Николаевна, доктор филологических наук,
доцент, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический
университет», профессор кафедры предметных технологий
начального и дошкольного образования

Слаутина Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина», доцент кафедры
фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения

Ведущая организация:

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского»

Защита состоится «27» июня 2024 г. в 12.00 часов на заседании
диссертационного совета 33.2.024.03 на базе ФГБОУ ВО «Уральский
государственный педагогический университет» по адресу: 620091,
г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, ауд. 318.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном зале
информационно-интеллектуального центра – научной библиотеки
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический
университет» и на сайте Уральского государственного
педагогического университета <http://science.uspu.ru>.

Автореферат разослан «15» мая 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бабилова Марина Рашитовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа имеет комплексный характер и вписывается в русло исследований, посвященных языковой способности личности в онтогенезе, процессам речепорождения и речевосприятия, скрытым от непосредственного наблюдения. Такой ракурс исследования позволяет, с одной стороны, проследить этапы становления и развития языковой способности, с другой, – используя инструментарий психолингвистики и корпусной лингвистики, представить операциональную модель анализа «речевого продукта» говорящего с учетом факторов разного рода.

Актуальность исследования обусловлена обращением к функциональному аспекту реализации грамматикона языковой личности – в свете выявления базовых (актуальных для говорящего) моделей речевой деятельности. Данный подход предполагает, в частности, выделение как универсальных, так и индивидуальных особенностей формирования и развития языковой способности в дошкольном и школьном онтогенезе [Гвоздев 2005, 2007; Гридина 2013, 2016, 2017, 2018; Доброва 2009, 2013, 2014; Кусова 2015, 2017, 2021; Кусова, Тенкачева 2015; Лепская 2017; Плотникова 2011; Рацибурская, Сандакова 2023; Слаутина 2022, 2023; Цейтлин 2000, 2009, 2014; Шахнарович 1999, 2006, 2010, 2014; Щербакова 2015, 2022]. Заявленный ракурс исследования имеет коммуникативно ориентированный характер, связанный, в частности, с разработкой технологий обучения как родному, так и иностранному языкам с учетом прогнозируемого грамматического континума процессов речепорождения и речевосприятия.

Объект исследования – актуальный грамматикон языковой личности.

Предметом исследования является комплексное представление алгоритмизированных процедур моделирования грамматикона языковой личности.

Степень разработанности проблемы. Методологически значимой для нашего исследования выступает теория Ю. Н. Караулова, представляющая ассоциативно-сетевую модель описания языка [Караулов 1993, 2002, 2006, 2010], в частности, ментальной грамматики как способа удержания и функционирования грамматики в сознании носителей языка. Механизм, объединяющий ментальный лексикон и грамматикон, составляет ассоциативно-вербальную сеть. При этом понятие «грамматикон» (ментальная грамматика) используется для описания грамматического компонента языковой способности, закрепленного (представленного) в ассоциативно-вербальной сети (далее – АВС) носителя языка. Грамматикон русской языковой личности – это грамма-

тика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности.

Первое систематическое описание процесса усвоения языка ребенком предложено А. Н. Гвоздевым, которым был отмечен процесс освоения грамматических форм от менее абстрактных к более абстрактным, от простого, формального выражения грамматического значения – к более сложному [Гвоздев 2005, 2007]. Наиболее широко системно-функциональный подход к усвоению языка представлен в трудах Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики (С. Н. Цейтлин, Г. Р. Добровой, М. Б. Елисеевой, М. Д. Воейковой, М. В. Русаковой, Т. А. Кругляковой, М. А. Еливановой, В. В. Казаковской), при этом С. Н. Цейтлин особо акцентирует внимание на конструктивном характере усвоения языка ребенком. Лингвокогнитивный аспект в изучении детской речи представлен работами Н. И. Лепской, Т. Н. Ушаковой и др. Особое направление изучения детской речи представлено в работах Т. А. Гридиной, которая исследует лингвокреативные способности ребенка, разграничивая компенсаторную и осознанную лингвокреативность, проявляющуюся в фактах языковой игры.

Цель работы: теоретически обосновать модель актуального грамматикона языковой личности.

Отсутствие единых подходов к моделированию грамматического компонента языковой способности приводит к необходимости поиска способов моделирования актуального грамматикона.

Исходя из указанной цели, можно выделить следующие **задачи**:

1. Определить основные подходы к моделированию актуального грамматикона.
2. Определить параметры актуального грамматикона.
3. Разработать инструментарий, позволяющий моделировать ядро актуального грамматикона с позиций онтолингвистики и ассоциативной морфологии.
4. Выявить возможности использования актуального грамматикона в изучении языковой личности.

Гипотеза исследования заключается в том, что генетически ранние грамматические формы должны составлять ядро активной грамматики, которую и следует вычленить в первую очередь для определения грамматического минимума на начальных этапах обучения и дальнейшего его расширения на основе корпусных исследований речевых практик.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модель ментального грамматикона обладает операциональной силой для выявления особенностей формирования языковой личности в процессе овладения и пользования языком.

2. Обращение к данным детской речи позволяет выявить генетически ранние грамматические формы, выступающие базой будущего «усредненного» грамматикона языковой личности.

3. Ментальный грамматикон представляет собой полевую структуру, в которой выделяются зоны ядра и периферии. Ядерная зона состоит из наиболее частотных грамматических форм, востребованных в разных коммуникативных ситуациях. Периферийные формы, слабо функционально нагруженные, позволяют выявить «лакуны» в грамматических парадигмах и потенциальные направления развития грамматикона языковой личности.

4. Набор типовых ситуаций в специально смоделированных экспериментальных условиях, «провоцирующих» использование актуальных грамматических форм, выступает эффективным инструментом апробации и верификации аспектов разработанной модели.

5. Моделирование актуального грамматикона языковой личности включает в себя выявление словоформ, наиболее востребованных на разных этапах речевого онтогенеза; анализ представленности описываемых словоформ в ассоциативно-вербальной сети по данным ассоциативных словарей и психолингвистических экспериментов; определение степени частотности грамматических форм по корпусным данным.

Методологической базой исследования выступают следующие концепции:

– модель ассоциативно-вербальной сети Ю. Н. Караулова, создающая базу для изучения ассоциативной грамматики и психолингвистической разработки теории языковой личности [Караулов 1993, 2002, 2006, 2010];

– полипарадигмальные исследования детской речи [Цейтлин 2000, 2009, 2014; Елисеева 2008; Доброва 2009, 2013, 2014, Гридина 2013, 2016, 2017, 2018, Лепская 2017, Ушакова 2011, 2012, 2020 и др.];

– исследования в области механизмов речепорождения («грамматики говорящего») и потенциального функционала грамматической формы Б. Ю. Нормана [Норман 1994, 2015];

– исследования феномена лингвокреативности и феномена языковой игры применительно к детской речи Т. А. Гридиной [Гридина 2013, 2016, 2017, 2018];

– исследования (в том числе экспериментальные) психологической реальности языковых единиц [Бубнова 2020, 2021, 2022; Бутакова 2004, 2022, 2023; Бутакова, Гуц, Орлова, Харламова 2021; Гридина 2006, 2015; Гридина, Коновалова 2020а, 2020б, 2023; Гуц 2004, 2013, 2023; Коновалова 2011, 2018; Пищальникова 2019а, 2019б, 2023; Попова, Стернин 2007; Стернин 2011, 2017, 2021 и др.];

– корпусные исследования языка [Баркович 2016; Зализняк, Кружков 2016; Кружков 2015; Ляксо, Фролова и др. 2017; Ляшевская 2014; Солнышкина, Гатиятуллина 2020; Inkova, Popkova 2017; Claus, Rosales 2013; Radoslava 2016].

В ходе выполнения работы использованы следующие **методы** исследования: корпусный анализ, связанный с отбором материала для моделирования актуального грамматикона; методы психолингвистического эксперимента, верифицирующие наличие соответствующих морфологических форм и синтаксических конструкций в актуальном грамматиконе языковой личности; методы статистического анализа, элементы структурно-семантического и компонентного анализа; анализ грамматических форм актуального грамматикона как элементов вербально-семантической сети.

Материалом для исследования послужили дневники детской речи, в частности лонгитюдные записи детских высказываний, созданные В. К. Харченко [Харченко 1994, 2012]. Объем выборки: 56 560 детских словоупотреблений. Также в качестве материалов исследования выступали устный корпус НКРЯ (205 801 словоупотребление), а также результаты проведенных нами пилотных экспериментов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем с позиций ассоциативной морфологии в обобщенном виде описаны этапы формирования грамматического компонента языковой способности в онтогенезе; уточнены данные о механизмах формирования актуального грамматикона русской языковой личности на материалах детской речи; представлена операциональная процедура моделирования актуального грамматикона.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке комплексной процедуры моделирования актуального грамматикона языковой личности с учетом совокупности факторов: стадийная динамика функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребенка; установление функциональной значимости «лакун» в грамматических парадигмах разных частей речи; обнаружение индивидуальных и универсальных стратегий формирования и развития грамматического уровня языковой способности. Несмотря на специфичность грамматических форм, составляющих русский грамматикон, разработанная нами модель может быть использована как аналог для создания актуального грамматикона любой национальной языковой личности.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных результатов в преподавании русского языка, в том числе как иностранного. Кроме того, результаты исследования

можно использовать в подготовке курсов лекций по психолингвистике, онтолингвистике, лингводидактике.

Основные выводы диссертационного исследования важны для разработки активного грамматического минимума (актуального грамматикона), что призвано существенно изменить формально-логические процедуры, применяемые в существующих методиках изучения грамматики.

Апробация работы. Материалы исследования обсуждались на кафедре общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета. Результаты исследования отражены в научных докладах, представленных на научных конференциях: Научно-практическая конференция молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (г. Екатеринбург, 28 апреля 2017 г.); Всероссийский научный семинар с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» (г. Екатеринбург, 10 ноября 2018 г.); Всероссийский научный семинар с международным участием «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 23–24 апреля 2020 г.); Международная научная конференция «Лингвистика креатива: методологические подходы к изучению речетворческой деятельности» (г. Екатеринбург, 21–22 апреля 2022 г.); Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (г. Екатеринбург, 27–28 апреля 2022 г.); V Международная научная конференция «Когнитивные стратегии филологического образования в России и за рубежом» (г. Екатеринбург, 06–08 октября 2022 г.); XXV Международная научная конференция «Русистика и современность» (г. Чанша, КНР, 14–16 октября 2022 г.); Международная научная конференция «XXIII Филологические чтения. Интерпретационный потенциал языковой системы и творческая активность говорящего. Метафора в языке и речи: современные исследовательские парадигмы» (г. Новосибирск, 20–21 октября 2022 г.); Международная научная конференция «Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 11–12 ноября 2022 г.); Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (г. Екатеринбург, 25–26 апреля 2023 г.); Международная научно-практическая конференция «Междисциплинарный подход к изучению благополучия человека» (Республика Узбекистан, Ташкентская область, г. Чирчик, 9–11 октября 2023 г.); Международная научная конференция «Психолингвистические аспекты исследования речевой деятельности» (г. Екатеринбург, 10 ноября 2023 г.); VI Международный форум по когни-

тивными нейронаукам «COGNITIVE NEUROSCIENCE – 2023» (г. Екатеринбург, 7–9 декабря 2023 г.). Результаты исследования изложены в 13 научных статьях, из которых 3 в изданиях, индексируемых в журналах из Перечня ВАК.

Структура и объем работы. Научно-квалификационная работа изложена на 159 страницах, состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, 13 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяются цель, задачи, методика, теоретическая и практическая значимость, научная новизна исследования, дается характеристика предмета, объекта и материала исследования, приводятся сведения об апробации работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе «Модели грамматикона русской языковой личности»** сформирована теоретическая база исследования: представлено понятие грамматикона языковой личности; освещены разные подходы к моделированию грамматической способности языковой личности; рассмотрен актуальный грамматикон языковой личности как база стадийной динамики функциональных грамматических систем, сменяющих одна другую в процессе когнитивного и речевого развития ребенка; предложен способ моделирования актуального грамматикона на основе данных детской речи.

В параграфе 1.1. Грамматикон языковой личности рассматривается понятие «ассоциативной грамматики» – модели языка, которая описывает его не только как систему, но и как лингвистическую компетенцию говорящего на нем индивида. Методологически важным для целей нашего исследования является понятие грамматикона (грамматической составляющей речи, набора грамматических форм, имеющих в распоряжении языковой личности). Понятие актуального грамматикона (система словоформ, являющихся структурной основой речевой деятельности) позволяет снять противоречие между системой языка (всеми грамматическими формами языка) и набором грамматических форм, актуальных для говорящего.

В параграфе 1.2. Подходы к моделированию грамматикона языковой личности рассматриваются возможные подходы к моделированию грамматикона. В основе такого моделирования лежит понятие ассоциативно-вербальной сети (далее – АВС) как способа существования языка в памяти его носителя. Грамматика, заключенная в ассоциативно-вербальной сети носителя языка, грамматика речевой деятельности, намерений, тенденций и готовности говорящего есть грамматика, по

выражению Ю. Н. Караулова, «в живом, готовом к употреблению виде» [Караулов 1993: 7]. Именно «готовность к употреблению» делает ассоциативную грамматику столь важной для реализации функций языка в речи. В рамках данного исследования основным является понятие *актуального грамматикона*, то есть того набора грамматических форм, хранящихся в АВС носителей языка, которые представляют собой минимальную функциональную систему, обеспечивающую большую часть речепорождения и речевосприятия, то есть являются базой речевой деятельности. Актуальный грамматикон описывается нами как набор словоформ, основных единиц динамического хранения как лексической, так и грамматической информации в совокупности. Таким образом, основной единицей совместного хранения и воспроизведения как грамматической, так и лексической информации в этой концепции является конкретная словоформа. Актуальный грамматикон языковой личности может быть сформирован на основе комплекса таких единиц, то есть грамматических форм конкретных слов.

В параграфе 1.3. Моделирование актуального грамматикона с позиций онтолингвистики продемонстрирован отбор форм актуального грамматикона на основе данных о развитии языковой личности в онтогенезе. Выделены генетически более ранние формы различных грамматических категорий, а также формы, не востребованные на начальном этапе речевого развития. Для существительных актуальными являются формы именительного и винительного падежей ед. и мн. ч., для глаголов – формы повелительного и изъявительного наклонений 1-го и 3-го лица ед. ч., для прилагательных – формы м. р. и ж. р. Неактуальны для ребенка на этапе развития от двух до пяти лет формы 2-го лица мн. ч. глаголов, редко используемые формы среднего рода прилагательных. Можно предположить, что генетически первичные грамматические формы, усваиваемые ребенком, остаются наиболее частотными на дальнейших этапах речевого развития, несут на себе основную речевую нагрузку. Такие формы составляют ядро языковой системы, конструируемой ребенком, выступают базой актуального грамматикона русской языковой личности.

В параграфе 1.4. Корпусные исследования как средство моделирования актуального грамматикона представлен процесс создания грамматического корпуса детской речи по следующему алгоритму:

1. Перевод материала в электронный вид. На этом этапе проводилась подготовка имеющихся материалов к обработке программными средствами. Для этого необходимо было выделить из всего массива зафиксированного материала высказывания конкретного ребенка за определенный возрастной период. Наше исследование сосредоточено на

речи двоих детей от двух до пяти лет. Соответственно, составлены три массива записей речи старшего брата (Лев) в возрасте от 2-х до 3-х лет, от 3-х до 4-х лет и от 5-ти до 6-ти лет и три массива записей речи младшего брата (Женя) в те же возрастные периоды. Записи детской речи за нужный период извлекаются из источника и очищаются от авторской разметки.

2. Обработка материала. На данном этапе осуществляется обработка материала с помощью программы AntConc, мультиплатформенного инструмента для проведения лингвистических исследований.

3. Грамматическая разметка. На этом этапе происходит квалификация грамматических форм. Процесс выполняется автоматизированно с помощью программы MyStem, которая проводит морфологический разбор всех единиц корпуса. Программа присваивает каждой словоформе грамматический тэг, из которого исследователь извлекает информацию для дальнейшей (на первом этапе – количественной) обработки.

4. Постобработка предполагает снятие грамматической неоднозначности грамматических форм и квалификацию детских грамматических инноваций вручную.

5. Представление материала в удобном для дальнейших исследований виде. В результате нашей работы получены шесть подкорпусов (различные по субъекту и возрасту) в составе единого корпуса с грамматической разметкой, снятой грамматической омонимией, проставленной частотой словоупотреблений, возможностью моделирования грамматического профиля ребенка. Размер корпуса составляет более 56 000 словоупотреблений (СУ), около 7 000 различных лексем.

Во второй главе «Моделирование актуального грамматикона языковой личности на материале детской речи: корпусные данные» на основе корпусных методов исследования проанализирован грамматический состав речи каждого ребенка на трех возрастных этапах; выделены те словоформы, которые составляют ядро высказываний ребенка в указанные периоды. В качестве примера такого анализа рассмотрим грамматический состав речи старшего (Лев) и младшего ребенка (Женя), складывающийся к 5-ти годам (таблица 1).

Основные коммуникативные потребности пятого года жизни: свободное общение, диалогическая и монологическая речь, завершение первичной социализации, выход за пределы семьи, готовность к овладению письменными формами речи. К концу этого периода завершается формирование основных грамматических категорий и овладение основными грамматическими формами в базовых функциях. Все это сказывается на составе актуального грамматикона.

Таблица 1

Частеречный состав грамматикона старшего и младшего брата, 4–5 лет

Часть речи	Количество сло- воупотреблений старшего брата	Про- цент	Количество сло- воупотреблений младшего брата	Про- цент
Глагол	2378	17,8	2230	19,8
Местоимение	1905	14,3	1967	17,5
Существительное	3216	24,1	2318	20,6
Предлог	1052	7,9	821	7,3
Частица	1392	10,4	1202	10,7
Числительное	79	0,6	99	0,9
Междометие	78	0,6	80	0,7
Союз	481	3,6	447	4,0
Наречие	807	6,0	809	7,2
Прилагательное*	733	5,5	342	3,0

*полный список частей речи представлен в работе

К 5-ти годам общее соотношение частей речи, по-видимому, установлено, лексический запас постепенно нарастает, ядерные, основные функции словоформ усвоены, осваиваются низкочастотные периферийные грамматические значения. Продолжается приспособление когнитивной и грамматической компетенций, дети учатся выражать все более усложняющиеся знания о мире все более разнообразными (нюансированными) грамматическими конструкциями, что может проявляться в возникновении и расширении синонимии (конкуренции) падежных форм для выражения одного и того же значения, например пространственного значения: *Мы стол вынесли **на улицу** и **на улице** кушали. Нет, это мы **не на улицу берём!***; состояния субъекта: ***Я** квас **не люблю**, потому что он **островатый такой**. **Пакеты, которые я люблю**, я никогда не выкидываю. **Чёрная мне не нравится**. **А какая мне рыба поймается**, не знаете?*

Доля предлогов, союзов, частиц, наречий, числительных в грамматиконе младшего брата соответствует показателям этих частей речи в грамматиконе старшего. Максимальная разница в 2–3% между братьями отмечается в таких частях речи, как существительные, глаголы, местоимения и прилагательные. Вообще, можно отметить, что вся перестройка, которая происходит в системе частей речи младшего ребенка, отклоняется от границ долей частей речи, очерченных в грамматиконе старшего брата, незначительно. Самое заметное различие в процентном соотношении частей в грамматиконе старшего и младшего ребенка относится к местоимениям (14% у старшего и 17,5% у младшего). Арсенал словоформ местоимений при этом схож с набором словоформ старшего брата, преимущественно личные местоимения в раз-

ных падежных формах, указательные и вопросительные местоимения, а частота употребления в речи несколько выше.

Преобразование падежно-числовой системы существительных связано с дифференциацией значений падежной формы и конкуренцией падежных форм за выражение того или иного значения. Лексический состав существительных продолжает расширяться вместе с расширением знаний о мире: лексемы, называющие предметы быта, явления природы, животных и растений, в том числе относительно «экзотических», города и страны (*Это так сильно размахивается нунчаком, что даже не рассмотришь! Нужно обыскать все места в Африке, чтоб найти кости. Наверное, динозавры хотели поймать Кинг-Конга. Они так смело бежали! Они как побегут за стегозавром, а стегозавр начнёт убежать! Это из Монголии!*). В грамматиконе младшего брата наблюдаются аналогичные изменения: соотношение падежно-числовых форм существительного меняется незначительно и приближается к показателям старшего брата (разница между этими показателями – 1–2%). Лексический состав этой части речи расширяется и дифференцируется: становится больше названий родственников, имен собственных и названий игрушек, предметов и явлений окружающего ребенка мира (ограниченного домом, детской площадкой, городским районом): *Турникет не прищемляет: это принтер-турникет. Нам сегодня на шахматы не играть, просто они возле шахмат уехали на соревнование! Ловушка-тюрьма!* Возможно, за счет необходимости расширить лексический запас, «догнать» брата происходят набор и освоение новых лексем, которые усваиваются в первую очередь в именительном падеже как названия-этикетки новых предметов.

Что касается глагольного формоизменения, как можно заметить, перестройка системы личных форм, как и у существительных, по-видимому, завершается. Формы 3-го лица и 1-го лица ед. ч. самые частотные как у младшего, так и у старшего брата. Доля форм 2-го лица мн. ч. остается в рамках процента. У старшего брата эти формы появляются в общении, чаще всего игровом, с несколькими субъектами (например, бабушка и брат), то есть в основном грамматическом значении 2-го лица мн. ч.: *А во что вы играете? А какая мне рыба поймается, не знаете? Вы разгуливайте, куда хотите. Хотите, я вам дам одну денег? Вы будете играть представление, а я буду подсвечивать солнышко!* У младшего брата формы 2-го лица мн. ч. также представлены единичными экземплярами, которые появляются в вопросительных конструкциях в коммуникации с несколькими субъектами: *А вы любите динозавров? Вы ходите к водопаду? Хотите хамелеонную кашу? Знаете, почему я так много воды пью? А вы знаете, когда надо будет выключать?*

Лексический состав глаголов расширяется, продолжается дифференциация значений уже имеющихся глаголов, основные группы глаголов те же, что выделены в прошлый период, но внутри тематических групп отмечается большее разнообразие. Например, в группе глаголов движения в период 3–4 лет у старшего ребенка фиксируется 15 глаголов (*идти, ехать, плавать, возить, лазить, ходить, бегать, лететь, плыть, ползти, катать, лезть, летать, нести, ползать*) в 45 разных формах: *Ой, в глаза свет летит. Они идут сами! Тучи бегают.* В 4–5 лет глаголов этой группы 22 (*идти, ехать, плавать, возить, лазить, ходить, бегать, лететь, плыть, ползти, катать, лезть, летать, нести, ползать, бежать, везти, вести, гонять, ездить, носить, тащить*) в 53 разных формах: *Я ос гоняю этой палочкой. А вон видите: дядя велосипед тащит. А машину эвакуатор тащит.* У младшего ребенка в группе глаголов речи в период 3–4 лет фиксируется 6 глаголов (*говорить, сказать, рассказывать, договариваться, порассказывать, спрашивать*) в 21 разной форме: *А как говорят протрел... Я протёр ноги. Я честно говорю! А я говорю: подстрижет. Я скажу, хочешь, тебе свой секрет. Только я скажу, чтобы он не был злым.* В 4–5 лет глаголов этой группы 8 (*разговаривать, разговариваться, сказать, рассказывать, закричать, кричать, спрашивать, объяснять*) в 28 разных формах: *Это я говорю постраусински! Такое тётя говорила на метро. Родители придут и скажут: «Где я?». Баба, я сейчас скажу тебе секрет: шу-шу. Но я не расскажу. Сама посмотришь. Я не знаю, как рассказать.*

Состав служебных слов не претерпевает значительных изменений. Происходит постепенное расширение арсенала предлогов, но простые предлоги *на, в, у, с* остаются самыми частотными, их основные функции усвоены, например, ребенок не ошибается в употреблении предлога *в* для выражения временных и пространственных отношений: *Около церкви там надо идти по лесу и придёшь в Конь-камень. Так что завтра в час у меня будет ещё один родитель. А ты в каком вагоне ехал? Баб, а ты вообще когда-нибудь в воду лезла, под водой ныряла?* Сохраняют частотность сочинительный союз *и*, противительные *а* и *но*, разделительный *или*, подчинительные *чтобы* и *если*.

Полученные данные нуждаются в комментарии с точки зрения динамического становления грамматической системы в сравнении с данными лонгитюдных исследований. Как уже указывалось в параграфе 1.3, согласно приводимым данным к 5-ти годам осваивается число существительных – категория повелительности – падежи – категория времени – лицо глагола, род как согласовательный класс, что находит свое отражение в приводимых нами высказываниях конкретных детей. Параллельно происходит отмеченный онтолингвистами процесс си-

стематизации грамматических форм по типам склонения и спряжения, усвоение многих единичных форм, исключений.

Если сопоставлять частеречный состав грамматикона старшего и младшего брата к 5-ти годам (таблица 1), то можно отметить, что разница между частеречными наборами младшего и старшего ребенка касается соотношения глаголов, существительных, местоимений и прилагательных, при этом она не превышает 3–3,5%, соотношение остальных частей речи и общая частотность заметно не отличаются. Отличаются наполнение части речи конкретными словоформами, функциональная «нагрузка» местоимений в речи коммуникативно активного младшего ребенка и существительных у склонного к категоризации и аналитическому представлению мира старшего. К 5-му году жизни грамматическая система детей устанавливается в ее общих очертаниях, усваиваются базовые параметры и категории русской грамматики.

В таблице 2 представлен частеречный состав актуального грамматикона двух братьев, выделенный на основании частоты употребления словоформ. Рассматривая грамматикон как полевую модель, имеющую ядро, состоящее из частотных форм, и периферию, к которой относятся формы со средней и низкой частотой, можно выделить в речевом продукте ребенка этого возраста наиболее частотные словоформы (леммы, так как туда попадают и неизменяемые части речи), составляющие 50% всего словоупотребления. Этот подход позволяет выделить набор словоформ, который обеспечивает базу дальнейшего роста грамматических форм. Набор содержит все части речи, кроме числительного.

Таблица 2

Частеречный состав актуального грамматикона старшего и младшего брата

Часть речи	Количество словоупотреблений старшего брата	Процент	Количество словоупотреблений младшего брата	Процент
Глагол	354	5,2	308	5,4
Местоимение	1810	26,8	1840	32,1
Существительное	187	2,8	118	2,1
Предлог	1041	15,4	778	13,6
Частица	1342	19,9	1117	19,5
Числительное	25	0,4	39	0,7
Междометие	35	0,5	45	0,8
Союз	474	7,0	429	7,5
Наречие	497	7,4	412	7,2
Прилагательное	32	0,5	0	0,0

*полный список частей речи представлен в работе

Заметим, что разница между актуальными грамматиконами двух братьев в первый и последний периоды связана с частями речи, доли которых в ядре грамматикона отличаются. В период 2–3 лет разница в 3,5–5% в местоимениях и частицах (у младшего брата их доля в актуальном грамматиконе выше, чем у старшего), предлогах и союзах (у старшего брата их доля в актуальном грамматиконе выше, чем у младшего). В период 4–5 лет доля местоимений в актуальном грамматиконе младшего брата на 4–5% выше, чем у старшего. Разница в частицах, предлогах и союзах в актуальных грамматиконах двух братьев 4–5 лет не отмечается. С нашей точки зрения, это может свидетельствовать о том, что ядро актуального грамматикона, необходимое для осуществления речевой деятельности на русском языке, сформировано. Поверхностные синтаксические структуры перешли в глубинные, необходимый набор средств (союзов и предлогов) для синтаксического оформления русской речи в актуальном грамматиконе имеется, и этот набор является более или менее инвариантным, постоянным для носителя русского языка, варианты же предлоги и союзы, обеспечивающие индивидуальность, дифференцированность синтаксического оформления высказывания, существуют на периферии актуального грамматикона. Хотя подобное утверждение, безусловно, нуждается в дальнейшей экспериментальной проверке.

Общее преобладание местоимений над существительными и тем более прилагательными в актуальном грамматиконе уже отмечалось нами на предыдущих этапах анализа. В ядре остаются личные местоимения в формах как именительного (*я, ты, он, они, оно, мы*), так и косвенных падежей ед. и мн. ч. Контексты и ситуации такие же, как в предшествующий период, востребованность именно местоимений в актуальном грамматиконе объясняется характером непосредственной устной коммуникации, предполагающей широкое использование слов-заменителей субъектов действия, объектов и обстоятельств, известных коммуникантам из самой ситуации общения и не нуждающихся зачастую в специальной номинации.

Прилагательные в актуальном грамматиконе старшего брата представлены двумя формами, проявляющими удивительную устойчивость: *большой* и *маленький*, им. и вин. п. ед. ч. муж. р. (*А у нас есть очень маленький сомик, ну, такой средний! Не очень большой! Вот смотри, какой большой автовокзалище!*). Подтверждаются установленное на предыдущем этапе сохранение базовой семантической оппозиции большой-маленький и малая востребованность прилагательных в актуальном грамматиконе. Возможная причина заключается как в многозначности каждого из прилагательных, так и в расширительном

значении самой оппозиции, которая принимает на себя множество близких значений: *В «Остров сокровищ» там маленький кусочек кина, а в этих кинах там одни песни. А я такой маленький! Такой листик маленький, дворникам даже и не увидеть!* В грамматиконе появляется прилагательное *пожарная*: пожарная машина как любимая игрушка, как предмет увлечения регулярно возникает в речи старшего ребенка: *А эту пожарную называют бибикалка. Пожарная пищит, чтобы кто-то ей пропустил дорогу. Пожарная машина, а то люди дуют, а никак не потушает пожар!* Одно слово выступает и как прилагательное, и как субстантив, такого рода примеры могут расцениваться как семантическое включение, характерное для речи детей младшего и среднего дошкольного возраста. Само прилагательное, обозначающее признак, выступает в сознании ребенка как неотъемлемая часть обозначаемого предмета. Появление этого прилагательного в актуальном грамматиконе может рассматриваться как проявление ситуативного, очевидно, возрастного и быстро проходящего интереса, увлечения конкретным ребенком. Но наличие этой или подобной словоформы может служить и подтверждением операциональности предложенной нами модели актуального грамматикона для выявления не только универсальных, но и индивидуальных особенностей усвоения языка конкретным ребенком, индивидуальной языковой личностью.

Наречий в актуальном грамматиконе значительно больше, чем прилагательных. Наречия передают временные, пространственные, модальные характеристики действий, степень их завершенности (*Эта мельница такая карусель, на ней можно покачаться, на пропеллере. Я тут сильно от машины испугался. Я сделал дереву немножко ветерка, чтоб оно немножко подросло...*). Возможно, больший процент наречий (по сравнению с прилагательными, также обозначающими признак) в актуальном грамматиконе связан со способностью наречий выступать в качестве синтаксического центра высказывания, то есть предикатива: *Не надо мне помогать. Да не надо учиться!*

В грамматиконе младшего брата сохраняются те же тенденции, что и у старшего. Самые частотные частицы, оформляющие высказывание: *а, не, да и нет, ни, вот, то, даже, просто*. Все предлоги, которые появлялись в ядре грамматикона на предыдущем этапе, в нем и остаются. Предлоги простые: *у, в, на, с, от, за, по*, – самые частотные, выполняют те же основные функции и появляются в тех же коммуникативных ситуациях, что и в предыдущий период и у старшего, и у младшего брата. Союзы *и, а, но, или*, а также подчинительные *чтобы и если* остаются в ядре грамматикона, что свидетельствует об их устойчивости и востребованности в устной речи. Например, союз *если* в этот

период регулярно используется в конструкциях, выявляющих или проверяющих причинно-следственные связи в окружающем ребенка мире, в бытовых, повседневных ситуациях: *А если я забыл, где право, где лево, я – по ногам. А если они вместе бежат? А что будет, если налить воды... А что будет, если Топу покормить рыбьего корма.*

Доля глаголов в актуальном грамматиконе, как и в предыдущие периоды, больше доли существительных, в отличие от общего грамматикона этого периода. Вероятно, этот факт нуждается в отдельном комментарии в аспекте актантной теории глаголов, общей предикативности внутренней речи и взаимодействия ментального грамматикона и собственно речи. Ср., в частности, что глагол более активен в ассоциировании с местоимениями, чем существительными [Караулов 1993: 61].

В актуальном грамматиконе старшего брата сохраняются словоформы существительных в им. п. ед. ч., называющие членов семьи (*мама, Женька, папа, баб*), то есть участников коммуникации. Набор словоформ, называющих игрушки и предметы окружающего мира, вызывающие детский интерес, преимущественно в именительном и иногда винительном падеже (*машина, огонь, вода, динозавры, землю, воду*): *Под воду подсунет бельё, вытянет... Что там они пили! Одну воду!* Как уже отмечалось ранее, в актуальном грамматиконе, вероятно, сохраняются именно те падежные формы существительных, которые обозначают субъект потенциального действия или тему постоянного активного интереса ребенка, благодаря небольшому объему детского актуального грамматикона, еще не скрытому от наблюдателя. Таким образом, обозначения предметов в грамматиконе оказываются менее востребованными, чем обозначения действий, так как предмет речи (действующий субъект и даже объект известны ребенку) – согласно законам внутренней речи.

Словоформ существительных, попадающих в актуальный грамматикон младшего брата, всего три (*баб* (сокр. от *баба*), *папа, мама*) в им. п. ед. ч., называющих членов семьи. Вероятно, эти коммуниканты самые частотные, но в актуальный грамматикон как младшего, так и старшего брата словоформа *баба* (*баб*) попадает как звательная форма, выступающая обращением в непосредственной коммуникации, словоформы *мама* и *папа* могут называть как собеседника, так и предмет речи: *Баб, а хорошо, что он их любит, да? А мама с **папой** сейчас не думают, что у нас уже чистота?*

На основании критериев частотности и востребованности ГФ в разных речевых ситуациях выделены СФ, которые составляют ядро актуального грамматикона, обеспечивают создание 50–60% речевого продукта. Глагол выступает как организующий центр высказываний,

что сочетается с возможностью заполнения актантных позиций при глаголах местоимениями, доля которых в актуальном грамматиконе, выделяемом нами, достаточно велика.

Анализ материала позволил доказать, что усвоение грамматического значения словоформы возможно без формирования полной парадигмы конкретной лексемы. Это соотносится с устройством ассоциативной парадигмы, диссипированной и лексикализованной, собирающейся из экземплярных, аналогичных форм. Ассоциативные парадигмы становятся образцами формообразования изменяемых частей речи.

Корпусные данные коррелируют с лонгитюдными наблюдениями относительно преобладания в актуальном грамматиконе глаголов над существительными, что может объясняться общей предикативностью внутренней речи, которая не предполагает указания на предмет мысли, известный говорящему. Соответственно, ментальный грамматикон, выступая как звено-посредник между внутренней речью и внешней речью, отражает эту предикативность. При этом глагол выступает как организующий центр высказываний, что сочетается с возможностью заполнения актантных позиций при глаголах местоимениями, доля которых в актуальном грамматиконе, выделяемом нами, достаточно велика. Сами местоимения также не указывают на конкретный предмет мысли, сохраняя общую предикативность внутренней речи.

Актуальный грамматикон изменяется, расширяется, усложняется с возрастом, по мере развития языковой личности, способен включать в себя личностные компоненты (через индивидуальное лексическое наполнение грамматических форм) и заменять их другими в рамках устойчивой грамматической структуры.

В третьей главе «Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативной грамматики» смоделированный актуальный грамматикон сопоставляется с данными ассоциативной грамматики и национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ). Также приводятся данные пилотного психолингвистического эксперимента, подтверждающие частотность и востребованность выделенных форм в детской речи.

В параграфе 3.1. Актуальный грамматикон в свете данных ассоциативных словарей сформирован инвариант актуального грамматикона ребенка 4–5 лет, который включает словоформы, присутствующие в актуальном грамматиконе как старшего, так и младшего брата, что позволяет снять индивидуальные различия двух грамматиконов. Полученный набор словоформ охарактеризован по двум параметрам, определяющим их ассоциативную и потенциальную синтаксическую активность: а) количество и разнообразие ассоциативных связей кон-

кретной словоформы; б) разнообразие ассоциативных связей грамматической формы.

Частотные формы, входящие в ядро актуального грамматикона, проявляют высокую ассоциативную и потенциально синтаксическую активность. Периферийные формы, не попавшие в актуальный грамматикон, обладают низкой ассоциативной активностью и потенциально низкой синтаксической активностью, то есть заметно реже образуют грамматикализованные сочетания и модели двух слов.

Отмеченные закономерности можно проследить на примере такой части речи, как существительное. Степень грамматикализации существительных в ассоциативно-вербальной сети зависит в первую очередь от частеречной принадлежности стимула и его грамматического оформления. В смоделированном нами актуальном грамматиконе роль словоформ-существительных (в начальной форме или разговорном варианте начальной формы в звательной функции), по-видимому, заключается в установлении ассоциативных связей с другими существительными и расширении потенциального лексического запаса в близком доступе. Например, в ассоциативном поле словоформы *мама*, находящейся в актуальном грамматиконе ребенка. Стимул *мама* вызывает реакции-существительные (*папа, дом, мама, доброта, нежность, сестра, сын, бабушка*), прилагательные (*родная, любимая, добрая, дорогая, красивая, веселая*) и глаголы (*приехала, работает, заболела, подарила, сказала, спит* и др.) [РАС Т. 1: 307]. Реакция *мама* появляется в ответ на стимулы-существительные (*папа, родители, семья, дочка, бабушка, врач, подарок*), прилагательные (*добрая, дорогая, дорогой, больная, многодетная*) и глаголы (*помогать, говорила, заботиться, любить, вспоминать, помочь* и др.) [РАС Т. 2: 407].

В параграфе 3.2. Экспериментальное исследование актуального грамматикона ребенка востребованность выделенных нами грамматических форм и конкретных словоформ, попадающих в актуальный грамматикон, подтверждается результатами пилотного психолингвистического эксперимента. В качестве экспериментального метода выбрана методика продолжения/завершения высказывания. Респондентам 9–12 лет (3–4 класс), всего 68 человек, было предложено 7 вопросов, на которые они предлагали свои варианты ответов.

Предполагалось, что в качестве потенциальных ответов используются простейшие (но базовые, типовые) речевые акты: констатив (акт-утверждение), промисив (обещание), реквестив (просьба), квеситив (вопрос), перформатив (фразы-действия) (согласно классификации Дж. Остина) [Остин 1986; Серль 1986]. Не останавливаясь на анализе этой классификации, отметим, что данные речевые акты служат осно-

ваниями для построения более сложных высказываний и покрывают большое количество коммуникативных ситуаций.

Рассмотрение того, какие грамматические формы используются для оформления простых речевых актов: обещания, просьбы, отказа, извинения – предполагает, что грамматические формы, попавшие в смоделированный актуальный грамматикон, являются основными структурными элементами речевых актов, то есть базой потенциально-го текстопорождения. С этой целью формулировки вопросов составлялись таким образом, чтобы содержащиеся в них стимульные грамматические формы «провоцировали» появление наиболее актуальных для респондентов реакций: словоформ, соответствующих стереотипам ассоциативного грамматикона. Основное внимание уделено формам глагола, которые выступают как предикативный центр высказывания, как его основной структурный элемент.

Например, на вопрос *Как ты обычно извиняешься?* самые частотные ответы: *прости, извини* и *простите, извините* (85%). Остальные ответы низкочастотны (*сори, я больше не буду, пожалуйста, я исправлюсь*). Как можно заметить, усвоено дополнительное значение грамматических форм 2-го л. мн. ч. как вежливых форм, то есть форм, которые используются не только в диалоговой коммуникации с множественным субъектом. В высказываниях детей от 2-х до 5-ти лет у форм 2-го л. мн. ч. такое значение не фиксировалось.

Для выражения предложения и будущего совместного действия (*Как ты обычно предлагаешь другу/подруге сделать что-то вместе?*) используется не только форма 1-го л. мн. ч., чье появление ожидаемо, но и форма из выделенного нами актуального грамматикона *давай*: *Давай сделаем вместе. Давай вместе. Давай сделаем. Давай нарисуем. Давай помогу. Давай поможем. Давай завтра вместе сходим погулять*. Остальные варианты менее частотные, часто сленговые: *Пойдем вместе? Можешь помочь? Погнали вместе? Го вместе? Го гулять? Го делать что-то?* (используется форма молодежного сленга *го* (от англ. «to go» – идти) в значении «пойдем»).

Часть полученных ответов представляет собой этикетные формулы, устойчивые сочетания, речевые клише, но при этом можно отметить, что структурно они строятся именно на тех формах, которые попадают в актуальный грамматикон, смоделированный нами ранее. В пяти вопросах речевые акты строятся на грамматических формах 1-го л. ед. ч. или мн. ч. и формах повелительного наклонения 2-го л. ед. ч. Словоформы, которые наиболее часто используются в простых речевых актах (*давай, хочу, буду, могу*), попадают в смоделированный актуальный грамматикон для детей 4–5 лет. Эти грамматические фор-

мы и словоформы из выделенного ядра грамматикона остаются востребованными в следующих возрастных периодах и потенциально могут использоваться как основа спонтанной речевой деятельности в дальнейшем.

В параграфе 3.3. Актуальный грамматикон по данным НКРЯ частотный или периферийный статус грамматических форм подтверждается данными устного подкорпуса национального корпуса русского языка. Грамматические формы в целом сохраняют выявленный у них в детской речи частотный или периферийный статус, но демонстрируют динамический характер грамматикона, расширяя или уменьшая свое присутствие в нем в зависимости от речевой или жанровой сферы его бытования. Это наблюдение подтверждается частотными характеристиками употребления падежно-числовых форм по данным устного подкорпуса НКРЯ. Остается низкой частотность форм мн. ч. по сравнению с формами ед. ч., формы дат. п. ед. ч. самые низкочастотные, так же как и в детской речи.

В Заключении приведены выводы по работе: обобщены теоретические сведения о формировании *грамматического компонента языковой способности в онтогенезе с позиций ассоциативной морфологии*; о механизмах формирования актуального грамматикона русской языковой личности на материалах детской речи; о процедуре создания корпуса детской речи; о методиках изучения актуального грамматикона; об алгоритме моделирования актуального грамматикона языковой личности.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК МНиВО РФ:

1. Красноперова, Е. С. Актуальная грамматика детской речи: корпусные исследования / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 87–100 (1,3 п.л.).

2. Красноперова, Е. С. Грамматика воздействия: коммуникативные стратегии моделирования образа «свой – чужой» в сфере предвыборного политического дискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. – 2021. – № 6(90). – С. 12–22 (1,2 п.л. / 0,4 п.л.).

3. Красноперова, Е. С. Актуальный грамматикон языковой личности: проблема моделирования / Н. И. Коновалова, Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного

областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 3. – С. 6–14 (0,9 п.л. / 0,5 п.л.).

Статьи, опубликованные в других научных изданиях:

4. Красноперова, Е. С. Грамматические векторы эргонимических номинаций Екатеринбурга / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2022. – № 20. – С. 205–213 (0,5 п.л.).

5. Красноперова, Е. С. Корпусные исследования детской речи: перспективы развития / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. – 2021. – № 2. – С. 156–165 (0,5 п.л.).

6. Krasnoperova, Ye. S. Grammatical Lacunae of the Associative-Verbal Network: Data of Children's Speech and the National Russian Corpus / Ye. S. Krasnoperova, N. I. Konovalova. – Текст : непосредственный // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020) : Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 апреля 2020 года. Vol. 437. – Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – P. 287–291. – DOI 10.2991/assehr.k.200509.052. – EDN HCKTNF (0,5 п.л. / 0,3 п.л.).

7. Красноперова, Е. С. Актуальный грамматикон в практике обучения русскому языку / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Стратегические ориентиры современного образования : сборник научных статей, Екатеринбург, 05–06 ноября 2020 года. Часть 2. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. – С. 83–86. – DOI: 10.26170/Kso-2020-114. – EDN MJULOZ (0,3 п.л.).

8. Красноперова, Е. С. Моделирование ассоциативного поля как инструмент исследования грамматической семантики / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Linguistica Juvenis. – 2020. – № 22. – С. 115–124 (0,5 п.л.).

9. Красноперова, Е. С. Грамматические лакуны ассоциативно-вербальной сети: прагматический аспект / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Linguistica Juvenis. – 2019. – № 21. – С. 100–107 (0,4 п.л.).

10. Красноперова, Е. С. Лингвокреативный потенциал грамматической формы в психолингвистических исследованиях / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы филологии. – 2019. – № 19. – С. 122–128. – EDN RXIAZW (0,3 п.л.).

11. Красноперова, Е. С. Выявление кодовых переключений в языковом сознании билингва (к постановке проблемы) / Е. С. Красноперова.

ва. – Текст : непосредственный // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. – № 16. – С. 102–107 (0,3 п.л.).

12. Красноперова, Е. С. Психолингвистические технологии в обучении грамматике русского языка как неродного / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // *Linguistica Juvenis* : сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2017. – Вып. 19. – С. 146–155 (0,5 п.л.).

13. Красноперова, Е. С. Усвоение грамматических форм в дошкольном онтогенезе / Е. С. Красноперова. – Текст : непосредственный // *Linguistica Juvenis* : сборник научных трудов молодых ученых / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. – Вып. 18. – С. 69–76 (0,4 п.л.).

Подписано в печать 26.04.2024. Формат 60x84¹/₁₆.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,3. Уч.-изд. л. 1,3.

Тираж 100. Заказ 5491.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.
620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru